

ВАСИЛИЙ ПАНЧЕНКО

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

НА ВОЙНЕ НЕЛЬЗЯ БЫТЬ
МОЛОДОЙ И КРАСИВОЙ...
ЧТО ОТЕЦ ВСПОМИНАЛ
ПРО ВОЙНУ

Василий Панченко

**Дым Отечества. На войне нельзя
быть молодой и красивой...
Что отец вспоминал про войну**

«Издательские решения»

Панченко В.

Дым Отечества. На войне нельзя быть молодой и красивой...

Что отец вспоминал про войну / В. Панченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900756-8

История войны — трагедия миллионов людей. Судьба одной личности сводится к статистической погрешности. Главные герои, как и все участники описанных событий, реальные люди. В 1941 году им не было и двадцати лет. В основе — воспоминания очевидцев. Наталья, покидая родной дом, через всю войну стремилась вернуться. Что значит жить в оккупации. Василий воевал, остался живым и через полвека после войны удивлялся: «Как же мы их победили?!» Война не по учебнику, а глазами людей, прошедших через нее.

ISBN 978-5-44-900756-8

© Панченко В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
На войне нельзя быть молодой и красивой...	7
Семья	7
Семейные ценности	9
Немцы идут!	11
Что же произошло?	13
Отводить нельзя, обороняться	14
Прорыв	16
До катастрофы два дня	18
Битва за Лубны	19
Попытка сбросить немцев в Сулу	22
Загадка бронепоездов	23
Последний бой за Лубны	24
Хаос	25
Дальше ехать некуда	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Дым Отечества
На войне нельзя быть
молодой и красивой... Что
отец вспоминал про войну**

Василий Панченко

© Василий Панченко, 2017

ISBN 978-5-4490-0756-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Большинство из нас, к сожалению, не знают историю своей семьи. Кто был дед, чем занимался? А прадед? Тайна во мраке ночи. Поэтому и живем из поколения в поколение, как с чистого листа. Меня когда-то поразила книга Питера Эглунда «Полтава: рассказ о гибели одной армии». Эглунд пишет: «Я сам швед, и каждый день вижу из своего окна старенький домик, в котором некогда жил один из упландских солдат, погибших под Полтавой». Книга просто тонет в упоминаниях имен младших офицеров и рядовых солдат шведской армии, участников этой битвы. С 1709 года прошло триста с лишним лет, а они помнят едва ли не всех солдат, участников битвы, поименно! Мы и генералов не всех знаем.

Эта книга стала последней каплей, которая заставила меня вплотную заняться историей своих родителей. Мои родители не оставили мемуаров, их молодость совпала с войной, и я неоднократно слышал их рассказы о том, как это было. Меня эти рассказы потрясли в свое время. Думаю, это то, что мы не знаем о войне. В общем и целом понятно, что война – это страшно, но это абстракция. Когда тебе о войне рассказывает родной человек, буднично и без лишнего пафоса, то, что сам видел и пережил, это воспринимается совершенно иначе. Не взгляд бывшего маршала на события, а взгляд воевавшего солдата, и взгляд девушки, попавшей в зону боевых действий, пережившей оккупацию, и много всего такого, чего и на три нескучных жизни хватило бы.

Повесть «**На войне нельзя быть молодой и красивой...**» – это необычная судьба моей мамы в годы войны. Ее воспоминания и рассказы я дополнил, собирая по крупицам факты, касающиеся исторических событий, в которых ей пришлось участвовать. Думаю, это дает некую общую картину трагедии и показывает судьбу человека в круговерти истории.

Рассказ «**Что отец вспоминал про войну**» написан примерно по такой же схеме. За что на войне ордена давали? С этим вопросом я когда-то давно приставал к отцу, но он тогда отмахивался, мол «ни за что, за то, что живые остались». Однако жизнь длинная, и мне постепенно удалось его разговорить, узнать, как это вообще было. Или о том, как воспринимается гибель товарища на войне? Как относятся к врагу? Черный юмор. Предчувствие смерти. Или что такое чудо? И тому подобное. Ответы эти удивительно не соответствуют нашим представлениям о войне.

Книга «**Дым Отечества**» посвящается моим родителям Наталье Павловне и Василию Николаевичу. Познакомились они на Сахалине уже после войны. Хотя судьба могла их свести в 1945 году в Праге, но тогда они не встретились.

Книга была задумана как некая повесть для внуков. Из неё можно было бы узнать, кем были их предки, почему стоит гордиться историей своей родины и понять, что эту историю написали своей жизнью их деды и прадеды. Но в процессе работы я пришел к выводу, что каждая семья имеет свою историю, которую должны знать не только родственники. Из таких историй можно понять историю страны в целом. Мне кажется, что пора прекратить жить «с чистого листа», словно никого до нас на свете не было. Нельзя оставаться «иванами, не помнящими родства»... Поэтому я решил превратить «мемуары» своих родителей в книгу, которая, возможно, будет интересна не только моим родственникам. И после ее прочтения каждый захочет изучить историю своей собственной семьи.

А то знаете, можно, конечно, гордиться победой России в Куликовской битве, но гордиться, зная, что твой пращур был там, совсем другое дело.

Хочу выразить искреннюю благодарность Марине Славиной за бескорыстную дружескую помощь, дельные советы в процессе работы над текстом этой книги.

На войне нельзя быть молодой и красивой...

повесть

Семья

Подруги звали ее Талочка. Наталья Павловна Кокошко. В 1941 году ей было семнадцать, восемнадцать исполнилось в октябре. Семья Талочки жила в тихом городке Лубны на живописном высоком берегу реки Сула.

В 1941-м Талочка окончила школу, а война началась 22 июня, в день выпускного вечера. Знаменательный день для получения аттестата зрелости – путевки в жизнь! Как писал Александр Солженицын: «Атмосфера нетерпимости 30-х годов, тех „единодушных“ собраний, где воспитывались лютые звери, а обреченные и ободранные доживали лишь до ближайшей ночи». Эта «атмосфера» Талочку не коснулась, или почти не коснулась. Золотую медаль Талочке в школе не дали, все-таки дочь «врага народа», хотя и круглая отличница. Зато дали золотые часы. Из комсомола не исключили, хотя такой вопрос тоже поднимался. Как дочь «врага народа» может быть комсомолкой? Причем дважды: ее родной отец «враг», и отчим тоже «врагом» оказался! Однако нашлись все же порядочные люди, и тему закрыли.

Часами Талочка очень гордилась. Ни у кого из подруг часов вообще не было, а тем более золотых. Часики были чудными, на зависть всем.

Население Лубен в 1941 году составляло около двадцати пяти тысяч человек. Среди них и жила Талочка.

Семья Талочки: сестра дошкольница Лена (Елена Ильинична Маркина), сводная сестра Вера (Вера Ильинична Маркина), мама Галина Андреевна Маркина (Паевская), бабушка Мелания Паевская.

Бабушка Мелания держала весь дом в порядке, вела хозяйство. Была строгой, но справедливой. Иногда то ли в шутку, то ли всерьез она говаривала шепотом: «Я столбовая дворянка и не потерплю...». Ее сыновья, офицеры царской армии, участники Первой мировой, в революцию оказались по разные стороны баррикад. Один ушел к белым, и его следы затерялись где-то под Одессой, другой – к красным. «Твой дядя Леша», как называла его бабушка при Талочке. Он погиб в Гражданскую войну, а бабушка получала пенсию за сына, красного командира, героя Гражданской войны.

Бабушка Мелания, столбовая дворянка с гимназическим образованием (какой современный институт может сравниться?), всякое повидала на своем веку. Первую мировую войну и гибель империи в революцию, раскол семьи на «белых» и «красных», Гражданскую войну, голод, советскую власть и много еще чего от социальной катастрофы, пережитой Россией в первые тридцать лет XX века.

Опыт подсказывал бабушке: Лубны не так далеко от фронта, и лучше отправить дочь с детьми в тыл, на Урал или в Сибирь. Веру, как старшую и более самостоятельную, воспользовавшись подвернувшимся случаем, отправили на Урал к каким-то дальним родственникам. На этом бабушка Мелания не успокоилась, она несколько дней не давала покоя Галине Андреевне, чтобы та сходила к «начальству» и попросила эвакуировать семью, так как ее брат Алексей (Талочкин дядя Леша) был красным командиром и героем Гражданской войны. Сама бабушка ехать никуда не собиралась, а думала остаться на хозяйстве. В первую очередь она думала о Талочке, потому что понимала, что нельзя быть **слишком молодой и красивой** во времена войны и беззакония. Версия с красным командиром была ненадежной, но никакой

другой причины для эвакуации бабушка не нашла. А то, что муж дочери был «врагом народа», она предпочитала не помнить.

В августе мама Талочки Галина Андреевна не устояла перед натиском бабушки Мелании и пошла в горисполком. Тогда как раз начали эвакуировать семьи некоторых партработников, в основном евреев. Она хотела попасть в списки для эвакуации, но ей довольно грубо ответили, чтобы не разводила панику, немцы сюда не придут! Где, мол, Лубны, а где немцы. Немцы пришли меньше чем через месяц.

Лубны – город, основанный в 988 году великим князем Киевским Владимиром Святым по прозвищу Красное Солнышко.

Как в «Слове о полку Игореве»:

«Кто там дремлет рыбой снулой,
камнем в тину кинутый?
Кони ржут за Сулой,
звенит слава в Киеве.
Пусть Кончак сгрызет все ногти
от нашей отваги.
Трубы трубят в Новгороде.
В Путивле плещут стяги».

В 1941 году «Кончак» ногти не грыз от нашей отваги.

Там за Сулой хорошо видны с высокого Лубенского берега бывшие половецкие степи, тут проходила древняя граница Руси. Вот оттуда, из марева ровной, как стол, равнины, если смотреть с лубенских высот, совершенно неожиданно для мирных лубенчан пришли немецкие танки.

До Киева, расположенного на западе, от Лубен ровно 200 км, до Полтавы на востоке – 136 км, по Суле на юг до Днепра километров 50—60, на севере в 110 км город Ромны, на юго-западе, на другом берегу Днепра Черкасы 140 км, на юго-востоке в 130 км Кременчуг. До каждого из этих пунктов из Лубен можно не спеша доехать и вернуться обратно за один день.

Семейные ценности

Война поначалу вообще не отразилась на укладе жизни семьи, если не считать неопределенную тревогу. Не так давно была ведь и финская война, в школе тогда разместился госпиталь. Конечно немцы, это не финны. В семье были одни женщины и дети. Мужчин еще в тридцатые годы репрессировали. Слово какое-то истинно не русское – эмоций не вызывает. Обычный прием прятать за такие слова всякого рода государственные подлости.

Потом, уже после Сталина, оказалось, что они были не виновны. Но разве от этого легче...

У Галины Андреевны был муж Павел Кokoшко, красавец-инженер местного узла связи. Отец Талочки. Что развело Пашу и Галю, история умалчивает, но характеры были непримиримые, и они разошлись. Из «вредности», как гласит семейное предание, Галина вышла замуж за Илью Маркина, директора мебельной фабрики. Когда Маркина и Кokoшко чуть ли не в один день, в конце тридцатых, арестовали, Галина Андреевна носила передачи в Лубенскую тюрьму и тому, и другому. Видимо, они были действительно очень принципиальные люди, потому что не дожили до лагерей, погибли в тюрьме. Способ выжить был один – признаться в любом абсурде, который «шьют» следователи, и более – менее здоровым отправиться в лагерь. Не признались.

Так или иначе, семья до войны жила неплохо. До ареста Маркина в доме всегда были домработницы – крестьянки из окрестных деревень. Приезжали, жили, помогали по хозяйству, выходили замуж, но хорошие отношения оставались.

Дом стоял на высоком берегу реки Сулы, ближе к склону сады с живописным видом на Засулье. Весной, когда цветет вишня, зрелище изумительное, куда там японским сакурам. Как знамение войны, в соседнем саду расположились зенитчики во главе с юным лейтенантом, который незамедлительно влюбился в Талочку.

Война была где-то далеко. О ней напоминал только лейтенант-зенитчик, который иногда заходил по-соседски в гости. Его поили чаем с вареньем. Бабушка Мелания смотрела на молодого парня не очень одобрительно, как на потенциальную угрозу для Талочки. Кабы не война – жених завидный, а в войну... Бабушка знала, что война не время для создания семьи. Каких-то других отношений столбовая дворянка не понимала и не одобряла. Муж, семья, дети – это святое! Все остальное – от «лукавого».

Наталья Павловна. Фото послевоенное.

Немцы идут!

Война делит людей на военных и гражданских; последние, учитывая всеобщую секретность, даже не подозревали, что их ожидает в самом ближайшем будущем. Талочка и ее мама, конечно, надеялись на лучшее. Только бабушка Мелания, обладая опытом жизни (как она говорила, «лучше бы мне его не иметь»), всегда предполагала худшее. Она запасала самое простое, и, как вскоре выяснилось, самое необходимое: спички, соль, мыло, сахар. Лубенчане считали, что находятся в глубоком тылу, однако война приблизилась уже вплотную к городу.

В воскресенье, 14 сентября, после проливных дождей предыдущих дней установилась удивительно теплая, ясная и солнечная погода. Талочка с подругами сидели на любимой скамейке в саду. Оттуда открывался живописный вид на Засулье, равнину, простиравшуюся до горизонта, казалось с игрушечными деревьями и маленькими белыми хатами крестьян. В сад вбежали солдаты с тяжелым пулеметом. Они протащили пулемет мимо девчонок и легли в траву. Солдаты поползли к краю склона, очень смешно виляя задними частями тела и волоча за собой пулемет на колесиках «Максим». Девчонки засмеялись. На что один из солдат крикнул: «Уходите домой, дуры!». Девушки не перестали смеяться, и тут с деревьев посыпались листья и мелкие ветки, засвистели пули. По городу из Засулья стреляли подходившие части немецкой 16 танковой дивизии.

Девчонки кинулись врассыпную, по домам. Детство для них в ту минуту закончилось.

Город с боем стали занимать немецкие части, подавляя очаги сопротивления пограничников. Некоторые лубенчане, воспользовавшись отсутствием какой-либо власти, разграбили магазины, склады, пекарню. Часть из них заплатила за это жизнью, так и оставшись лежать рядом с украденным мешком муки.

Прибежал лейтенант-зенитчик и предложил помощь, так как они получили приказ отходить, он мог взять их с собой. Бабушка Мелания Паевская, пережившая и Первую мировую с эвакуацией из района Гродно в Россию, и Гражданскую войну, рассудила здраво, что они с малым ребенком никуда не поедут, а Талочка пусть едет. Можно только восхищаться проницательностью бабушки Мелании, если бы вся семья решила уехать, то вероятно минут через десять после этого они все могли погибнуть.

Зачем ехать?! Этот вопрос даже не обсуждался. «Ведь для нас мир – не мир, а постоянно воюющие „лагеря“, мы так приучены». – Писал Солженицын. К тому же Талочка была комсомолкой, а советская пропаганда заверяла, что немцы коммунистов и комсомольцев убивают сразу без всяких проволочек. И самый важный аргумент: **НЕЛЬЗЯ В ВОЙНУ БЫТЬ МОЛОДОЙ И КРАСИВОЙ.**

Времени на сборы и прощания не было, поэтому в чемодан наскоро побросали то, что казалось важным, в том числе альбом с семейными фотографиями! Все то, что ни при каких обстоятельствах не могло пригодиться в условиях бегства. Ощущение у всех было такое, что наступает конец света.

Они сели в грузовик, в кузове были солдаты, а лейтенант уступил Талочке свое место в кабине рядом с водителем. Машина помчалась по улице. Вероятно, зенитчики намеревались попасть в Пирятин, где находился штаб фронта. То есть ехали в сторону Киева, на запад. На востоке были немцы, на севере вел бой героический отряд пограничников, занесенных войной в глубокий тыл с западной границы.

Грузовик сделал несколько поворотов по улицам и выехал на перекресток возле церкви, неподалеку от школы (штаба пограничников).

Эта церковь сохранилась до сих пор, но вокруг практически не осталось старых зданий. Мотор грузовика заглох в самый неподходящий момент. Водитель мигом выскочил из машины и оказался за углом вместе с другими солдатами, выпрыгнувшими из кузова. На Талочку,

как ей показалось, смотрел немецкий танк, стоявший на перекрестке. Видимо этот танк прошел через железнодорожный мост. Талочка заморожено смотрела, как башня танка медленно поворачивалась... Она еще полчаса назад была дома и вдруг оказалась на войне в настоящем бою! Солдаты, размахивая руками, кричали: «Ложись!!!». Талочка посмотрела на грязный пол кабины. Ее красивое светлое платье не позволяло вот так вот просто улечься на пол.

В этот миг по кузову и по кабине кто-то сильно забарабанил. «Пули!» – мелькнуло в голове у Талочки. Она свернулась калачиком под сиденьем. Посыпалось стекло. В это время танк стали обстреливать, и он повернул башню в другую сторону. Это подоспели пограничники группы Сидоренко, посланные майором Врублевским. Водитель, пользуясь моментом, прыгнул за руль и завел мотор; еще мгновение, и грузовик, дернувшись, отъехал за угол дома.

Пограничники забросали головную машину бутылками с «коктейлем Молотова». Однако идущие следом танки открыли пулеметный огонь, и приблизиться к ним не удалось. Немецкие танкисты тоже не решились действовать дальше без поддержки пехоты и отошли.

Не останавливаясь, полуторка помчался из города на юг к Оржице, солдаты на ходу запрыгнули в кузов. Талочка высунула голову и увидела на спинке сиденья несколько дыр, из которых торчала дымившаяся начинка сиденья. Смерть в первый раз прошла мимо, в нескольких сантиметрах от нее.

Что же произошло?

В ночь на 22 августа Черкассы были оставлены советскими войсками (38-я армия). Взорваны два моста и важные объекты промышленности. Войска отступили за Днепр. Немцы упорно стремились закрепиться на днепровских островах, создавали видимость намерения именно в этом месте форсировать Днепр. На самом деле ниже по течению Днепра в районе Кременчуга немцы начали готовить масштабное наступление, одной из важнейших целей которого был город Лубны.

Решить проблему угрозы северному флангу Юго-Западного фронта должен был Брянский фронт генерала Еременко. Еременко обещал Сталину «разбить подлеца Гудериана» мощным наступлением во фланг немецкой 2-й танковой группе. С 30 августа по 12 сентября фронт атаковал Гудериана во фланг без успеха и с огромными потерями. «Подлец» Гудериан не только не был разбит, но и все это время, отбиваясь на фланге от войск Еременко, продолжал наступление на юг, к Лубнам.

Провалившееся наступление Еременко – одна из причин, по которой Юго-Западный фронт попал в «мышеловку». Сталин, видимо, до последнего надеялся, что Еременко справится с «подлецом» Гудерианом. Поэтому, наверное, Еременко, пока был жив Сталин, маршалом так и не стал. Хотя Гудериан тоже не стал генерал-фельдмаршалом, только этот Гитлеру не угодил.

Южнее и значительно восточнее Киева дело складывалось не лучше. Начиная с 6 сентября, в район Кременчуга на помощь обороняющимся начали прибывать дивизии с правого фланга 38-й армии и из 26-й (генерал-лейтенант Костенко), в том числе 81-я стрелковая дивизия фронтового резерва из Лубен.

Бабушка Мелания вела хозяйство семьи и ходила на базар за обычными покупками. Военные мешали перейти улицу, это и была 81-я стрелковая дивизия, шедшая на станцию грузиться в эшелоны. Другие части шли через город на восток по Хорольскому спуску через Сулу. У солдат был какой-то унылый вид, замечала бабушка. Она ворчала, что, мол, сами не знают, куда и зачем идут. По мнению обывателей, война была где-то там, за Киевом, на Западе. Лубенчане копали противотанковые рвы на северо-западе Лубенского района. Это укладывалось в головах обывателей: там, ближе к Киеву, это нормально. Но война наступала на Лубны с севера и готовилась к последнему броску уже и с востока.

Ночью с 8 на 9 сентября хлынул дождь, который сделал дороги непроходимыми для колесного транспорта. 9—10 сентября 1941 года 81-я стрелковая дивизия с ходу по непролазной грязи атаковала противника, продвинулась на 5—10 километров, но была остановлена немцами, оборонявшими плацдарм у Кременчуга.

К северу от Лубен 9 сентября 3-я танковая дивизия из 2-й танковой группы Гудериана прорвалась на юг и 10 сентября захватила Ромны. Угроза окружения всего Юго-Западного фронта стала очевидной и для командования фронта.

Отводить нельзя, обороняться

Неоднократные попытки доказать Сталину, что необходимо выводить войска из образовавшегося мешка, к успеху не привели. Буденный предложил отвести войска. Во время переговоров Сталина и Кирпоноса по спецсвязи, услышав слова Кирпоноса: *«У нас и мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей...»*, – начштаба Тупиков схватился за голову. Это было вечером 11 сентября, было еще не поздно вывести войска, укрепляя фланги.

В результате сняли маршала Буденного, командующего Юго-Западным направлением, и назначили маршала Тимошенко. Это уже 12 сентября.

Немецкое командование испытывало волнение иного порядка. Оно реально опасалось, что русские в последний момент выскочат из мешка. К 12 сентября стало понятно, что все идет по плану, и русские «решили» сделать им еще один подарок. В Журнале боевых действий группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала Герда фон Рундштедта 12 сентября появилась запись: *«Опасение, что командование красных откажется от упорной обороны на р. Днепр и отведет свои силы на восток, не оправдалось. Можно скорее заключить, что русские решили еще раз сделать одолжение немецкому командованию, стремясь удерживать фронт в условиях угрозы двустороннего охвата, и подвергать обороняющиеся здесь войска опасности уничтожения»*. Видимо в журнал эти слова записал начальник оперативного отдела группы армий «Юг» подполковник службы генштаба Август Винтер, так сказать коллега по должности начальника оперативного управления противостоящего Юго-Западного фронта Ивана Баграмяна, сыгравшего свою роль в разворачивавшейся трагедии.

Еще в июле генерал Жуков за предложение выровнять фронт и оставить Киев лишился поста начальника Генерального штаба и отправился организовывать наступление на Ельню. Не будучи Жуковым, Буденным или Тимошенко, Кирпонос мог живо представить, что его-то просто поставят к стенке, в случае чего.

А это «чего» – катастрофа фронта, была для него очевидна. Тимошенко быстро разобрался в обстановке и передал через Баграмяна устный приказ «отходить». Видимо тоже не хотел рисковать головой, подписывая приказ нарушающий директиву Ставки – Сталина. *«Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительнее наносит удары в направлениях на Ромны и Лубны, а не ждет, пока мы его вытащим из кольца»*, – напутствовал Тимошенко Баграмяна. Когда 17 сентября Баграмян прилетел с устным приказом маршала Тимошенко, в штабе генерала Кирпоноса разыгралась судьбоносная для сотен тысяч людей трагическая сцена.

Слово Баграмяну: *«Я доложил о распоряжении главкома. Кирпонос долго сидел задумавшись»*.

– Михаил Петрович, – не выдержал Тупиков, – это приказание настолько соответствует обстановке, что нет никакого основания для колебаний. Разрешите заготовить распоряжение войскам?

– Вы привезли письменное распоряжение на отход? – не отвечая ему, спросил меня командующий.

– Нет, маршал приказал передать устно. Кирпонос, насупив густые брови, зашагал по комнате. Потом сказал: – Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьезный. – И хлопнул ладонью по столу: – Все! На этом закончим».

В целом переговоры штаба фронта (Кирпоноса) и Ставки (Сталина) длились с 10 сентября, но официально приказ Ставки прорываться поступил 18 сентября. Самостоятельно приказ прорываться на восток Кирпонос решил отдать только поздним вечером 17 сентября,

уже теряя связь с войсками. Фронт был окружен, а местами просто, как говорили в то время, «драпал» под натиском немцев.

Кирпонос, хотя и слишком поздно, решил для себя дилемму: бояться Сталина или дать шанс хотя бы части вверенных ему войск спастись. Можно предположить, что с этого момента он искал смерти в бою.

22 июля 1941 года генерал Павлов, командующий войсками Западного фронта, был расстрелян, «за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов без разрешения высшего командования, развал управления войсками, бездействие власти».

Кирпонос не мог самовольно оставить стратегический пункт Киев без разрешения высшего командования. У него был приказ Сталина «...*Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки...*». Фронт был обречен.

Ни о чем в то время Талочка и ее родные и не подозревали, но их судьба, как и всех лубенчан, всех мирных жителей огромной территории, оказавшейся под ударом, и судьба солдат, офицеров войск фронта была уже предрешена.

Прорыв

Пока советское высшее командование рядилось, немцы тоже не сидели сложа руки. 10 сентября командование Кременчугским плацдармом принял генерал Клейст, командующий 1-й танковой группой.

К 12 часам 11 сентября был построен 16-тонный мост (вместо 8-тонного) длиной в 2000 метров в Кременчуге, пригодный для переброски танков.

Утром 12 сентября началось наступление немецких войск с Кременчугского плацдарма.

«Обогнав пехоту, 16-я танковая дивизия немцев опрокинула застигнутого врасплох противника и его артиллерию и взяла под контроль линию снабжения неприятеля. Сопротивление было слабым. В первой половине дня 12 сентября части дивизии заняли Семеновку – это населенный пункт на половине пути от Кременчуга до Лубен», – так записано в истории 16 танковой дивизии. «Утром 12 сентября они навалились на один из полков 297-й стрелковой дивизии, рассекли ее фронт и устремились на север, в общем направлении на Хорол. В полосе их наступления у нас было совсем мало сил», – писал по этому поводу Баграмян. А немецкий генерал Альфред Филиппи написал: «И в этот момент авиаразведка неожиданно обнаружила явные признаки отхода крупных сил русских из района Прилук на рубеж Лубны, Лохвица, Ромны. Казалось, русское командование лишь теперь поняло угрозу смыкавшихся с севера и с юга немецких танковых клиньев, причем особенно неожиданным для русских было, по видимому, наступление с юга».

Ничего неожиданного для наших не было. Разве, что проспали сосредоточение немецких танковых частей на Кременчугском плацдарме. Но и без того, все уже понимали, что фронт может спасти только чудо. Боялись Сталина и не хотели брать на себя ответственность. Это лишнее доказательство того, что драконовские меры способны только парализовать инициативу и лишить воли. Особенно это характерно для Русской и еще более для Советской армии. Менталитет и без того не слишком способствует инициативе, а тут он еще и подавлен страхом, немцев и смерти боялись меньше, чем Сталина. В 1941 году 33 советских генерала погибли не в бою! Трое умерли от болезней, двое застрелились, один погиб в катастрофе и 27 расстреляли свои по приговору трибунала. А немцы не могли понять, почему русские ведут себя так «странно». Поэтому они увидели с воздуха движение тылов фронта к рубежу реки Сула и приняли его за крупные силы русских, собирающихся идти на прорыв.

Теперь немцы двигались к Лубнам с юга и севера, почти не встречая сопротивления. За первые 12 часов танки Клейста прошли 70 км. Немцы спешили дойти и занять оборону на Суле, чтобы отразить на водном рубеже ожидавшееся ими наступление Кирпоноса в попытке прорваться из котла. Это было логично для немцев. У них не укладывалось в голове, как так можно воевать, даже Гудериан не удержался, чтобы не воспользоваться случаем и попытаться выяснить, в чем проблема. «К 26 сентября закончилась нашей победой бои в районе киевского котла. Командующий 5-й армией (Михаил Потапов – В.П.) попал к нам в плен. Я беседовал с ним и задал ему несколько вопросов:

1. Когда они заметили у себя в тылу приближение моих танков?

Ответ: Приблизительно 8 сентября.

2. Почему они после этого не оставили Киев?

Ответ: Мы получили приказ фронта оставить Киев и отойти на восток, и уже были готовы к отходу, но затем последовал другой приказ, отменивший предыдущий и требовавший оборонять Киев до конца.

Выполнение этого контрприказа и привело к уничтожению всей киевской группы русских войск.

В то время мы были чрезвычайно удивлены такими действиями русского командования. Противник больше не повторял таких ошибок. Мы же, к сожалению, вынуждены были сами пережить печальный опыт такого же вмешательства в ход боевых действий». Так написал в своих мемуарах Гейнц Гудериан, намекая уже на «бесноватые» приказы Гитлера держаться до последнего солдата.

К 13 сентября 3-я танковая дивизия Моделя прорвалась к Лохвице с севера. Между немецкими войсками еще оставался свободным 40-километровый коридор. Вальтер Модель – будущий генерал-фельдмаршал, «пожарный» Гитлера, один из не многих генералов вермахта, кто мог игнорировать указания Гитлера и действовать по своему усмотрению. Модель, застрелившийся в апреле 1945 года после прорыва союзниками Западного фронта и окружения его войск, предварительно распустил своих солдат по домам. Но в сентябре 1941 года Модель был восходящей звездой Вермахта.

До катастрофы два дня

Вечером 13 сентября (или уже ночью 14 сентября) начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор Тупиков отправил в Генеральный штаб и главкому Юго-Западного направления отчаянную оперсводку, в которой, в частности, было сказано: **«Положение войск фронта осложняется нарастающими темпами... Начало понятной Вам катастрофы – дело пары дней»**. Тупиков не ошибся, через два дня кольцо окружения замкнулось. Василий Иванович Тупиков был не глупым человеком и прекрасно понимал, что будет, если, не медля не предпринять попытку отвести войска. В канун войны он служил военным атташе в Берлине. Улетел в Москву буквально за считанные часы до начала войны, вечером 21 июня. Судьба. Если бы он не улетел в Москву, то вероятность его назначения начальником штаба фронта стремилась бы к нулю. В этом случае он лишь в самом конце июля попал бы в СССР, через Турцию, как и все другие члены Советского посольства в Берлине. Обмен посольствами произошел на Кавказе через месяц после начала войны.

14 сентября немцы захватили Лохвицу, а танки однорукого генерала Хубе (16 танковая дивизия) с боем взяли Лубны. Из-за сильного сопротивления советских войск двигаться дальше не могли. Это полк пограничников, усиленный бронепоездом, напугал немцев. Но об этом чуть ниже.

Ганс-Валентин Хубе еще в Первую мировую в 1914 году на Западном фронте потерял руку. В Сталинграде Хубе призывал Паулюса, не обращая внимания на приказ Гитлера, «держаться до последнего солдата», прорываться пока не поздно. Был вывезен из Сталинградского котла по приказу Гитлера его адъютантами, так как не хотел бросать своих танкистов. Затем в 1944 году командовал 1-й танковой армией и, вопреки приказу Гитлера, прорвался из района Каменец-Подольска. Получил Дубовые листья к рыцарскому кресту и на следующий день погиб в авиакатастрофе. То есть под Лубнами на сходящихся направлениях немецких клиньев были незаурядные командиры Модель и Хубе. И с ними было очень не просто воевать. Кирпонос скорее был ближе по характеру к Паулюсу, но ему хватило характера погибнуть в бою, а Паулюс, как известно, сдался.

Битва за Лубны

Как просто написать: «...танки Хубе с боем взяли Лубны...». На самом деле, насколько это можно восстановить по воспоминаниям очевидцев (наиболее полно события описаны в книге мемуаров Паджева М. Г. «Через всю войну»), произошло следующее. Тут нужно сказать, что мемуары обычно пишут те, кто выжил и нашел в себе мужество их написать. Переживших войну участников сражения за Лубны осталось не много, а написал мемуары только Паджев. А этих ребят из немецкой 16 танковой дивизии перебили под Сталинградом, Хубе тоже погиб, но позже. Так что и с немецкой стороны живых очевидцев, надо полагать, к концу войны осталось мало.

Части 16 танковой дивизии подходили к Лубнам с востока. «Уже к 14.00 (13 сентября) 64-й моторизованный полк вышел к южным окраинам города Лубны. Одновременно под прикрытием дымовой завесы солдаты 16-го саперного батальона захватили мост через р. Сула и, переправившись на противоположный берег, создали плацдарм для дальнейшего наступления в город. К вечеру 16-я танковая дивизия закрепились в советских окопах по восточному берегу реки фронтом на запад». – Пишет Олег Нуждин в книге «Битва за Киев. 1941 год». С запада под вечер 13 сентября для обороны Лубен стали прибывать подразделения (собственно штаб) полка пограничников (94-й пограничный отряд) под командованием майора Врублевского. Приказ штаба 26 армии прикрыть Лубны пограничники получили 8 сентября. Части полка были разбросаны по разным населенным пунктам. Штаб и тылы в Драбове – это примерно 80 км, если по дороге ехать. Передвигались пешком, соответственно части полка прибывали в Лубны в разное время, а время сжималось вместе с кольцом немецких войск.

Командир полка майор Федор Иванович Врублевский выглядел сурово. На щеке под глазом шрам, пронизательный взгляд, модная черная бородка клинышком а-ля Держинский, широкая, почти квадратная грудь, на офицерской коверкотовой гимнастерке знак «Почетный чекист» и медаль «XX лет РККА». Командиром боевого участка в Лубнах был полковник Перепелкин – райвоенком города (по другим данным командир 16 запасного полка связи, штаб фронта считал, что за Лубны бьется именно этот запасной полк, то есть информированность была крайне слабой). На следующий день его отозвали в штаб 26 армии, а руководство поручили Врублевскому.

Штаб и политотдел полка расположились в школе. Вероятно, в первой школе, где до революции была гимназия, там и теперь гимназия! В этой школе училась Талочка.

Через Сулу из Лубен вели три моста, два деревянных напротив села Засулье и ниже по течению, напротив села Солоница, железнодорожный мост. Деревянные мосты, один из которых был только что построен, находятся примерно там же, где стоит и теперешний железобетонный мост, построенный уже после войны пленными немцами. По преданию, по тому новому деревянному мосту первыми проехали немецкие танки.

В Лубнах на местном ликероводочном заводе было развернуто стратегическое производство «коктейлей Молотова», так называли финские бутылки с горючей смесью английские журналисты во времена Советско-финской войны. В боях за Лубны много и часто использовали, как «замену» артиллерии, «коктейль Молотова». Как повлияло название, данное журналистами, неизвестно, однако в июле 1941 года постановление «О противотанковых зажигательных гранатах (бутылках)» вышло именно за подписью Молотова. Возможно, Сталин так пошутил, «твой коктейль, ты и подписывай».

Утром 14 сентября комендантский взвод, связистов, штабных работников и политсостав полка пограничников подняли по тревоге. Видимо обнаружили, что немцы еще накануне создали плацдарм на Суле? Командир приказал занять оборону в районе двух деревянных мостов через Сулу. Железнодорожный мост обороняли внутренние войска НКВД, то есть части

6 мотострелкового полка НКВД. Точнее остатки этого полка бывшего в боях с начала войны на западе Украины, затем попавшего в горячие бои под Фастовом. Отведенный в тыл полк был разбросан по ряду железнодорожных объектов для охраны. Танков или другого тяжелого вооружения у них не было.

Часов в 6 утра, но вероятно позже, из Засулья появились грузовики с немецкой пехотой. Немцы пытались с ходу прорваться через мосты в город. «Силы 79-го пехотного полка полковника фон Аренсдорффа при поддержке 2-го батальона 64-го полка под командованием хауптмана Фондерманна предприняли наступление на город». – Пишет Нуждин. Наткнувшись на сильный огонь пограничников, немцы отступили. Подтянув минометы и артиллерию, начали обстрел и атаквали. Пехоту пограничники задержали, но три танка проскочили через мосты и ворвались в город.

Майор Врублевский приказал младшему политруку Сидоренко собрать всех, кто еще оставался в штабе – писарей, связных батальонов и рот, – и уничтожить танки...

Сидоренко со своей группой вышли к мостам и заняли оборону. Немецкие танки контролировали мост. На другом берегу скопилась пехота и бронетранспортеры.

Тем временем в Лубны подошел батальон пограничников капитана Бурцева. Батальон Бурцева и группа Сидоренко пытались выбить немцев с моста. Немцы при поддержке артиллерии начали переходить реку. Пограничники атаквали противника. Удалось отогнать пехоту, пробившуюся в город, но танки мост удержали. У пограничников не было артиллерии, а «коктейль Молотова» хорош только в ближнем бою.

Ближе к вечеру в Засулье подтянулись новые подразделения немцев. Двенадцать танков и пехота пошли в атаку. Пограничники сопротивлялись отчаянно.... В этот момент в район табачной фабрики (на западной окраине города) прибыл еще один батальон пограничников капитана Татьянина. Врублевский с ходу ввел его в бой. Пограничники подожгли два танка, однако были остановлены сильным огнем.

Под давлением противника батальоны отошли и к вечеру закрепились севернее Лубен.

В общей сложности на Лубны наступали примерно полсотни танков при поддержке пехоты и артиллерии.

Вот что значит: *«16-я танковая дивизия Хубе встретила ожесточенное сопротивление и решила закрепиться, ожидая массированного наступления противника»*. Немцы видимо считали, что русские непременно ударят через Лубны в попытке вырваться из окружения. Лубны, узел дорог, это было бы логично ударить в этом направлении.

Кольцо сомкнулось

В 18 часов 20 минут 15 сентября у Лохвицы кольцо окружения сомкнулось. Части 3 танковой дивизии Моделя и 16 танковой Хубе соединились.

16-я танковая дивизия захватила Лубны и приготовилась к обороне на внутреннем фронте котла: *«Дивизия изготовилась к обороне на плацдарме, в Осовце и Тернах (это северная и восточная окраины Лубен.... На Василенковом поле, западная окраина, закрепился 94 погранполк майора Врублевского – В.П.). Острие танковой группы Гудериана встретилось с острием танковой группы Клейста за спиной 50 красных дивизий. Большое кольцо окружения под Киевом было замкнуто. И снова стояла 16-я танковая дивизия... на восточном краю котла лицом на запад, снова должна была быть готова к тяжелым боям с прорывающимися на восток русскими. Впереди снова были тяжелые дни»*.

Конечно, немцам было нелегко, на войне всем сторонам трудно. Но перед ними маячила самая большая победа в крупном сражении, а наши не чаяли, как вырваться из котла. Это такой Сталинград наоборот. В феврале 1943 г. история 16-й танковой, так бравурно описанная выше, закончилась в Сталинграде – это уже другая трагедия.

На помощь героическим пограничникам майора Врублевского к Лубнам прибыл бронепоезд. Ожидались 186-й артполк и маршевый батальон из 26-й армии. В состав Лубненской (логично было бы назвать Лубенской, хотя, штаб фронта минимум дважды в боевых донесениях писал вместо Лубны – Дубны) боевой группы входила и 289 стрелковая дивизия, но она была в районе Пирятина и в бою за Лубны участия не принимала. Частично сохранившийся артиллерийский зенитный дивизион мог поддерживать пограничников в назначенном на утро 16 сентября наступлении на Лубны! Вероятно, лейтенант, предложивший семье Талочки помощь для эвакуации, принадлежал к этому зенитному дивизиону. Значит, дивизион частично пытался выполнить приказ и перебазироваться, а частично оставался на месте и отступил вместе с пограничниками. Артполк и маршевый батальон были атакованы немецкой авиацией и понесли большие потери. С этими силами прибыл и представитель командования 26 армии генерал-майор Алексеев, командир 6 стрелкового корпуса, как он представился пограничникам, видимо для солидности и поднятия боевого духа. На самом деле 6 стрелковый корпус перестал существовать еще в середине августа после попытки наступления из района Киева на Белую Церковь. И генерал Алексеев уже с 19 августа официально не был командиром 6 стрелкового корпуса, остававшегося только на бумаге боевой единицей. Алексеев, видимо, считал, что немцы заняли Лубны небольшими силами (также думал и штаб фронта), и решил атаковать. Собственно вряд ли у него был иной вариант действий, эта атака вполне укладывается в общий план фронта по прорыву.

Попытка сбросить немцев в Сулу

При поддержке артиллерии зенитного дивизиона и бронепоезда 16 сентября погранполк (чуть более 400 бойцов!) в шесть часов утра перешел в наступление на Лубны в попытке отбить мосты через реку Сулу.

Наступали по двум направлениям: прямо на западную окраину города и в обход через село Ольшанка (Вильшанка) к мостам на Суле.

Прямая атака после отчаянного боя захлебнулась. Обходной маневр почти удался. *«Впереди уже видна Сула и заветная цель нашего наступления – мосты через реку. Над водой стелется туман, и мосты будто плывут: то появляются, то снова исчезают в молочной пелене»*, – потом вспоминали уцелевшие пограничники. Пробились! Вот они – мосты! Тут из Засулья начала бить немецкая артиллерия и минометы, а с городских высот открыли огонь бронемашин и крупнокалиберные пулеметы. Пограничники попали под перекрестный огонь. А с тыла, из района Лубенского-Мгарского монастыря за Ольшанкой началась атака немецких танков. Генерал Алексеев приказал отступить на исходный рубеж – Василенково поле. Не зря пишут, что дивизия Хубе готовилась отразить массированное наступление. Немцы готовились, но настоящего массированного наступления не получилось. *«Как ни странно, с востока не было предпринято никаких попыток деблокировать окруженную группировку»*. (Попытки были, но незначительными силами – В.П.) *Казалось, весь фронт русских замер. В котле началось хаотическое движение колонн, стремившихся вырваться наружу. Но и здесь никаких серьезных попыток прорыва на восток не последовало»*, – написал историк и генерал-майор Вермахта Альфред Филиппи.

Несчастливо сложилась судьба генерал-майора Ивана Ивановича Алексеева. В 1941 году ему было 45 лет, воевал в Первую мировую войну, в Гражданскую был ранен, в Великой Отечественной войне корпус Алексеева с первых дней в боях под Львовом. Как пишут в Википедии: *«С 18 сентября по 1 октября 1941 года Алексеев находился в окружении в районе города Лубны, при выходе из которого попал в плен и содержался в комендатуре по охране тыла, а затем в лагере военнопленных в Полтаве»*.

Из плена бежал, и в конце октября в районе Харькова он перешел линию фронта, лечился в госпитале, 15 декабря 1941 года был арестован. Освобожден только 8 февраля 1946 года, то есть уже после войны, восстановлен в армии и в звании. А могли просто расстрелять...

16 сентября немцы неоднократно атаковали, но каждый раз, наталкиваясь на стойкость пограничников, сильный огонь бронепоезда и артдивизиона, откатывались назад. Ночью бронепоезд и артиллерийский дивизион получили приказ отступить к Пирятину. Что это за бронепоезд? По некоторым данным (Олег Нуждин «Битва за Киев. 1941 год») это бронепоезд №55 или 56.

Загадка бронепоездов

В районе Лубен в это время могло быть несколько бронепоездов, как минимум три: бронепоезда №31, 34 и 66 внутренних войск НКВД. Ни один из них к Пирятину не ушел. Наоборот, эти три бронепоезда каким-то образом ухитрились пройти к станции Ромодан. Ромодан расположен за рекой Сулой, по прямой от Лубен 24 км, по дороге 28 км, на электричке минут сорок ехать. То есть железнодорожный мост через Сулу немцы не контролировали, или ошибка в датах? Немцы взяли Ромодан еще 13 сентября. А 19 сентября эти «крепости на колесах» были еще в Киеве, если верить тому, что написано в книге «Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941—1945». В частности там сказано: *«Поддерживая части 87-й стрелковой дивизии на участке Дарница – Борисполь, с боями отступали и бронепоезда №31, 34 и 66 внутренних войск НКВД. (На самом деле 19 сентября 1941 года дивизия была расформирована как погибшая – В.П., но это не значит, что часть бывших солдат 87 сд не могли быть там.) – 31-й батальон вместе с мостопоездом и пятью бронепоездами отступал по незанятой врагом линии Дарница – Гребенка. (От Гребенки до Лубен километров сорок – В.П.) Бронепоездами командовал майор Н. Паньков, командир бронепоезда №66 НКВД. У артиллеристов почти не осталось снарядов. Действовало лишь по одному орудью, установленному на бронеплощадках. Фашисты то и дело бомбили колонну... Четверо суток пробивались с боями железнодорожники и бойцы бронепоездов. (То есть следует полагать, что 19 сентября отправились из Киева, а 22 или 23 сентября прибыли в район Ромодана? – В.П.). 27 сентября 1941 года в районе станции Ромодан бронепоезда №31, 34 и 66 израсходовали последние боеприпасы и были взорваны». До этого погибли, не дойдя до Лубен, отрезанные немцами в Яготине еще два бронепоезда из тех пяти ушедших из Киева 19 сентября.*

Как попали бронепоезда в район Ромодана не сказано, как они ухитрились пройти в Лубнах через мост, не понятно, возможно, бронепоезда прошли до подхода немцев к Лубнам, то есть до 16 сентября, но это тоже маловероятно.

Пока бронепоезда НКВД или шли к Лубнам, или поддерживали пограничников огнем, а потом прорвались через мост, в Пирятин ушел бронепоезд №55 или №56.

Последний бой за Лубны

Вернемся к боям в Лубнах. Теплым безветренным утром 17 сентября от Мгарского монастыря вновь выдвинулись немецкие танки.

Немцы обошли полк с трех сторон, отрезали его от тылов, у наших бойцов заканчивались боеприпасы, не хватало воды. Пограничникам пришлось отбиваться бутылками с горючей смесью. Плотная завеса чада и дыма стояла у траншей доблестных пограничников.

В этой обстановке майор Врублевский принял решение атаковать противника и под прикрытием атаки вывести из-под удара основные силы полка.

Немецкие танки обходили позиции пограничников стороной, вдоль противотанкового рва. Зато немецкая пехота дошла почти до окопов. В этот момент пограничники пошли в штыковую атаку вниз по склону. Немцы не ожидали такой наглости и отступили.

Пограничники атаковали северо-восточную окраину Лубен. Прорвались к кладбищу (ныне детский парк, едва ли не центр города) и закрепились на прилегающих улицах.

Немцы, вероятно, решили, что к Лубнам прорываются крупные силы противника. Это было бы разумно, прорвать кольцо окружения, пока немцы не успели как следует укрепиться и подтянуть резервы. Немцы отвели танки и пехоту к городу, ослабив кольцо окружения пограничников. Этого и ожидал майор Врублевский. Последовала атака, и остатки полка прорвались в лес. Из четырех сотен пограничников прорвались 120 – 150 бойцов. После нескольких дней скитаний они смогли выйти из окружения.

Выше Врублевского в тот день под Лубнами не было никого, ни Сталина, ни Кирпоноса, только Бог. Под его началом были обстрелянные, хорошо обученные, организованные пограничники и примкнувшие к ним другие части. Дело не в храбрости, русский солдат во все времена был доблестным, но при умелом руководстве. При умелом руководстве русская армия всегда добивалась побед.

У Врублевского было то, чего в 1941—1942 годах не хватало повсеместно: обстрелянные, обученные, организованные солдаты; и его действиями никто не помыкал. Отсюда и результат. Именно этого нам во все времена не хватает, и не только в военное время. Это системные проблемы. Не учитываем менталитет, а из-под палки недалеко уедешь.

Хаос

В расположении Юго-Западного фронта 13—14 сентября начинался хаос. Источником паники и дезорганизации в таких условиях были невооруженные, но многочисленные учреждения тыла. Войсковые, армейские и фронтовые транспорты, автомобильные, конные, госпитали и лазареты начали метаться в разных направлениях. В котле оказались тылы пяти советских армий и фронтовые учреждения. Вначале они хлынули с юга на север (в объятия танков Гудериана), затем с севера на юг, и, наконец, вся стихия устремилась на восток, к Пирятину (40 км западнее Лубен). Образовалась жуткая пробка, отличная мишень для немецких бомбардировщиков. По воспоминаниям очевидцев, машины шли в пять рядов. В отличие от приграничного сражения, никто не бросался в поле или лес при налетах «Юнкерсов». Движение прекращалось лишь для того, чтобы сбросить в кювет поврежденные остановившиеся машины, или те, в которых были убиты водители. Дорога в Пирятин стала одним из кругов ада, через который пришлось пройти многим солдатам и офицерам Юго-Западного фронта.

Дальше ехать некуда

В такую же переделку попала и Талочка в районе Оржицы, куда стекались тылы 26 армии. На подступах к Оржице грузовик последний раз чихнул и заглох окончательно. Радиатор был пробит, и двигатель заклинило. «Все!.. Приехали...», – выругался водитель. Талочке – после встречи с немецким танком уже не показалось странным, что водитель выругался. Дальше пришлось идти пешком. Собственно, дальше ехать было некуда. Повсюду на поле, как попало, стояли брошенные машины. Люди, в основном, военные, уходили в ближайший лес. Талочка по совету лейтенанта-зенитчика, оставила свой бесполезный чемодан в машине. Там и погиб фотоальбом семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.